

Erasmus+
Jean Monnet Centre of Excellence
St. Petersburg State University, Russia

Санкт-Петербург 2017
Записка №30

Наталья Заславская

Реалистическая парадигма в зарубежных исследованиях, посвященных отношениям России и Европейского союза

Реалистическая парадигма несомненно обладает существенными теоретическими и методологическими преимуществами, которые определяют ее популярность среди исследователей международных отношений. Однако в современных международных исследованиях большинство экспертов разочаровались в попытках найти универсальное теоретическое объяснение международных отношений в целом и выбирают теоретический подход в зависимости от изучаемых сюжетов. Именно поэтому зарубежные авторы, рассматривавшие развитие отношений России и Евросоюза в меняющемся после окончания Холодной войны мире, в основном предпочитали другие подходы: (нео)институционализм, затем конструктивизм и т.д. Но всегда существовали темы, связанные с отношениями России и ЕС, интересные для реалистов/неореалистов. В последнее же десятилетие потенциальное исследовательское поле для реалистов/неореалистов/неоклассических реалистов расширилось, сторонники этих подходов стали активнее заниматься проблемами отношений России и ЕС, а представители других теорий стали с большей готовностью заимствовать идеи реалистической парадигмы для интерпретации отдельных вопросов.

Прежде всего, положения реалистической парадигмы используют те исследователи, которые делают акцент на России и ее внешней политике. Можно выделить целое направление авторов, которые изучают, каким образом Россия выстраивает свои отношения с Европейским союзом, и отмечают неореалистическую логику российских властей. Эти исследователи выделяют следующие особенности внешнеполитической позиции России: во-первых, для России важно было после окончания Холодной войны и распада СССР вернуть, а затем и сохранить статус великой державы; во-вторых, РФ оценивает различные регионы с точки зрения зон влияния и сфер

интересов, поэтому и пост-советское пространство воспринимается как традиционная сфера российских национальных интересов и Россия так остро реагирует на влияние других держав в этом регионе; в-третьих, Россия стремится к поддержанию баланса сил с мире, поскольку рассматривает это состояние как более стабильное и благоприятное; в-четвертых, Россия наталкивается на многочисленные препятствия со стороны окружающей среды и вынуждена реагировать на негативные действия (например, на расширение НАТО на восток). Неоклассический реализм с его акцентом на внутривнутриполитических факторах, влияющих на то, как государство реагирует на внешние вызовы и негативное воздействие окружающей среды, позволяет лучше оценить особенности реакции России на международную ситуацию. Подробнее о реалистическом характере российской внешней политики можно почитать, например, у Л. Бузинского, К. Джонсона, С. Джусти, В. Кобышева, А.Кубышкина, А. Линча, А. Сергунина и А.П. Цыганкова¹.

Неореализм чаще применялся для анализа отношений России с НАТО, а исследователи взаимодействия РФ с Евросоюзом преимущественно использовали другие подходы. Однако развитие Евросоюзом Общей внешней политики и политики безопасности (ОВППБ), военных ресурсов, проведение миротворческих операций, но самое главное усиление влияния ЕС на постсоветском пространстве, например, реализации Восточного партнерства, привели к большему использованию исследователями реалистических теорий.

Во-первых, выделилась группа зарубежных авторов, которая стала настаивать на том, что внешнеполитическая деятельность Евросоюза вполне может анализироваться на основе реалистических теорий. Раньше уже предпринимались подобные попытки, прежде

¹ Buszynski, L., *Russian Foreign Policy After the Cold War*, Westport, CT: Praeger, 1996; Giusti, S., *The EU's Policy Towards Russia: National Interests and Path Dependency* // A. Locatelli and L. Cladi (eds), *International Relations Theories and European Security*, London: Routledge, 2015: 177–96; Johnston, C. *Russian Foreign Policy: Domestic Constraints*, Alert 27, Paris: European Union Institute for Security Studies, June, 2015; Lynch, Allen C., *The Realism of Russia's Foreign Policy* // *Europe-Asia Studies*, Vol. 53, No. 1, Jan., 2001, pp. 7-31; Tsygankov, Andrei P., *Assessing Cultural and Regime-Based Explanations of Russia's Foreign Policy. 'Authoritarian at Heart and Expansionist by Habit'?* // *Europe-Asia Studies* Vol. 64, Iss. 4, 2012: 695-713; Malcom, Neil, Pravda, Alex, Allison, Roy, and Margot Light, *Internal Factors in Russian Foreign Policy*. Oxford: Oxford University Press, 1996; Konyshov, Valery, and Aleksandr Sergunin, *The Arctic at the Crossroads of Geopolitical Interests* // *Russian Politics & Law* Vol. 50, Iss. 2, 2012, 34-54; Konyshov, Valery, and Alexander Sergunin, *Is Russia a revisionist military power in the Arctic?* // *Defense & Security Analysis* Vol. 30, Iss. 4, 2014; Sergounin, Alexander A., *Russian domestic debate on NATO enlargement: From Phobia to damage limitation* // *European Security* Vol. 6, Iss. 4, 1997: 55-71; Sergunin, Alexander, and Valery Konyshov, *Russia in search of its Arctic strategy: between hard and soft power?* // *The Polar Journal* Vol. 4, Iss. 1, 2014: 69-87;

всего, в рамках межправительственного подхода С. Хоффмана². Но после окончания Холодной войны внешнеполитическая деятельность рассматривалась скорее через призму институционализма и конструктивизма, особую популярность получает теория нормативной силы. Но постепенно формирование ОВПБ, а затем и Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО)/Общей политики безопасности и обороны (ОПБО) привело к тому, что сторонники неореализма и неоклассического реализма получили подтверждение своих концепций. Евросоюз стал рассматриваться как один из полюсов силы и сравниваться с другими полюсами, например, с США, Россией или Китаем. Исследователи выявляют роль ЕС в современной системе международных отношений, его реакцию на внешние вызовы и усилия, направленные на распространение зоны влияния. Использование реалистических теорий для анализа внешнеполитической деятельности Евросоюза можно найти в публикациях М.К. Дэвис Крос, Х. Зиммермана, И.П. Каролевски, Дж. Миршаймера, Б. Позена, С. Риннига, М. Смита, Х. Сьюрсен, А.Тюе, А.Хайд-Прайс, С. Хоффмана³.

Во-вторых, можно говорить еще об одной группе зарубежных исследований, в которых рассматриваются проблемные аспекты в отношениях России и Евросоюза, противоречие их интересов, разногласия во время торговых переговоров, споры из-за сфер влияния или противостояние из-за событий на Украине. Это такие акторы, как С. Джусты, М.А. Дэвис Крос, Х. Зиммерман, И.П. Каролевски, В. Конышев, М. Леонард, Д. Манке, Дж. Миршаймер, Н. Попуску, Г. Розен, А. Сергунин, Х. Сьюрсен⁴.

² Hoffmann, S., *Towards a Common European Foreign and Security Policy?* // *JCMS*, Vol. 38, No. 2, 2000: 189–98; Hoffmann, S., Keohane, R.O. and Mearsheimer, J.J., 'Back to the Future, Part II: International Relations Theory and Post-Cold War Europe'. *International Security*, Vol. 15, No. 2, 1990, pp. 191–9.

³ Davis Cross, Mai'a K., and Ireneusz Pawel Karolewski, *What Type of Power has the EU Exercised in the Ukraine–Russia Crisis? A Framework of Analysis* // *JCMS*, 55(1), January 2017: 3–19; Hoffmann, S., Keohane, R.O. and Mearsheimer, J.J., 'Back to the Future, Part II: International Relations Theory and Post-Cold War Europe' // *International Security*, Vol. 15, No. 2, 1990, pp. 191–9; Hyde-Price, Adrian, 'Normative' power Europe: a realist critique? // *Journal Of European Public Policy*, 13(2), 2006: 217–234; Posen, B., *European Union Security and Defense Policy: Response to Unipolarity?* // *Security Studies*, Vol. 15, No. 2, 2006: 149–86; Rynning, S., *The High Cost of Theory in Neoclassical Realism. H-Net/H-Diplo*, July, 2009; Rynning, S., *Realism and the common security and defence policy* // *Journal of Common Market Studies* 49(1), 2011: 23–42; Selden, Z., *Power is Always in Fashion: State-Centric Realism and the European Security and Defence Policy* // *JCMS*, Vol. 48, No. 2, 2010: 397–416; Sjusen, H., *What Kind of Power: European Foreign Policy in Perspective*, Guest editor // *Special issue of Journal of European Public Policy*, 13(2), 2006: 169–181; Sjusen, H., *The EU as a 'normative' power: how can this be?* // *Journal Of European Public Policy*, 13(2), 2006: 217–234; Smith, M., *Comment: Crossroads or cul-de-sac? Reassessing European foreign policy* // *Journal of European Public Policy*, 13(2), 2006: 322–327; Toje, A., *The European Union as a small power. Journal of Common Market Studies* 49(1), 2011: 43–60; Toje, A., *The EU security strategy revised: Europe hedging its bets. European Foreign Affairs Review* 15(2), 2010: 171–190; Zimmermann, Hubert, *Realist Power Europe? The EU in the Negotiations about China's and Russia's WTO Accession* // *JCMS*, 45(4), November 2007: 813–832.

⁴ Giusti, S., *The Russian Federation's posture towards the European Neighbourhood Policy: a neoclassical realist explanation* // Sieglinde Gstöhl, Simon Schunz (eds), *Theorizing the European Neighbourhood Policy*. Routledge, 2017: 61–82; Giusti, S., *The EU's Transformative Power Challenged in Ukraine* // *European Foreign Affairs Review* 21(2), 2016: 165–84; Leonard, M. and N. Popescu, *A Power Audit of EU-Russia Relations*, London: ECFR, 7 November, 2007; Davis Cross, Mai'a K., and Ireneusz Pawel Karolewski, *What Type of Power has the EU*

Данный обзор базируется на публикациях в зарубежных научных журналах (например, *European Foreign Affairs Review*, *Europe-Asia Studies*, *Foreign Affairs*, *International Security*, *Journal of Common Market Studies*, *Journal Of European Public Policy*, *Security Studies*), публикациях Института ЕС по исследованиям безопасности (*European Union Institute for Security Studies*), монографиях и сборниках научных статей.

Таким образом, реалистические теории сегодня используются зарубежными исследователями, изучающими отношения России и Евросоюза. Их популярность постепенно растет, но следует отметить несомненные тематические ограничения для исследователей, которые применяют реалистические теории для анализа нескольких сюжетов, например, российской политики в отношении ЕС и разногласий между РФ и ЕС из-за сфер влияния. Список публикаций, проанализированных в данном обзоре, не является исчерпывающим, но он позволяет сделать выводы об особенностях использования неореализма/неоклассического реализма в зарубежных научных публикациях.

Exercised in the Ukraine–Russia Crisis? A Framework of Analysis // *JCMS*, 55(1), January 2017: 3–19; Konyshov, Valery, and Aleksandr Sergunin, The Arctic at the Crossroads of Geopolitical Interests // *Russian Politics & Law* Vol. 50, Iss. 2, 2012, 34-54; Sergunin, Alexander, and Valery Konyshov, Russia in search of its Arctic strategy: between hard and soft power? // *The Polar Journal* Vol. 4, Iss. 1, 2014: 69-87; Mahncke, Dieter, Russia's Attitude to the European Security and Defence Policy // *European Foreign Affairs Review*, 6(4), 2001: 427–436; Mearsheimer, J.J., Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault: The Liberal Delusions That Provoked Putin // *Foreign Affairs*, 93(5), 2014, 77-89; Sjursen, Helene, and Guri Rosén, Arguing Sanctions. On the EU's Response to the Crisis in Ukraine // *JCMS*, 55(1), January 2017: 20–36; Zimmermann, Hubert, Realist Power Europe? The EU in the Negotiations about China's and Russia's WTO Accession // *JCMS*, 45(4), November 2007: 813–832.